

# Э К З А М Е Н

## ТЕАТР И МОЛОДОЙ ЗРИТЕЛЬ

Воспитание гражданственности — всегдашняя забота нашего советского искусства, театрального в том числе. Этой цели подчинены не только спектакли, а и встречи со зрителями. Для молодежи Симферопольского госуниверситета подобные встречи с творческим составом театра им. М. Горького стали доброй традицией. Вот и в этом году все то же было, как всегда. И курсовые просмотры театральных новинок, и бурные дебаты в аудиториях, в общежитиях. Но еще была неповторимая атмосфера юбилейного года Победы.

### РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Из выступления заслуженного артиста УССР А. Голобородько:

— Люди озабочены проблемой передачи опыта потомкам. Всякого опыта: технического, научного. Но существует, помимо, еще один опыт, наивнейший. Гражданственный — по духу, эмоциональный — по форме. Память сердца. Вот что важно развить, сберечь, передать будущему...

Ни сами исполнители, ни юные рецензенты не делили спектаклей на «старые» и «новые», «исторические» и «современные». Юбилей Победы доказал, насколько условны подобные размежевания во времени. «Ничто не забыто», а следовательно, негоже и нам забывать постановки-предшественники сегодняшнего героического репертуара. Прежде всего две — «Василий Теркин» и «Человек и глобус».

Теркин в исполнении артиста С. Зеленоку... Ладный крепыш, умелец на все руки, хлебороб и сын хлебороба — таким представлен его герой. Так начинала звучать на сцене театра мощная гуманистическая тема советского искусства: люди наши и на войне ощущали себя частью силы и судьбы народной, а не суперменами в касках. Смертный бой шел не ради мести, не ради славы — ради жизни на земле.

Из выступления студентки О. Белкиной:

— Что поражает в спектакле «Они были актерами»? Обычная, нормальная жизнь, которая идет в нашем городе до того, как врываются фашисты. Характеры наших актеров — такие естественные, скромные. Все начинается с самого обыкновенного уровня, с какой-то «высоты буден». А дальше!..

Оговорюсь: студенты знают, что пьеса написана лишь по мотивам документальной хронике крымского подполья. Знают — а говорить, писать все равно будут так: наш город, наши подпольщики, наши актеры. Память сердца — это всегдашнее «здесь», «сейчас», «при нас лично». Других координат они не признают.

Из выступления студентки Н. Латинской:

— У Л. Могилевой Кравец поначалу мягкая, домашняя. Очень... милая такая. Мне у нее деталь запомнилась: платок. Пуховый, домашний. Она все в него куталась. Точно сохранить хотела что-то от мирной, довоенной своей жизни. А потом!..

А потом, дальше — дорога к подвигу. И ребята благодарны постановщикам за эту драгоценную возможность: увидеть, как обыкновенные наши люди вырастают в фигуры, настоящие героические.

Из выступления артистки Л. Могилевой:

— Да, товарищи, вы правы. Нам, участникам спектакля, тоже казалось: все происходит тут, с нами, на нашей — вот этой — сцене. Мы репетировали и на гастролях. Верите, там что-то не так получалось, не так звучало, как здесь... При первой читке плакали почти все, чего скрывать. Да не в том суть. Репетировали, а сами думали: как бы поступили мы, близкие, товарищи, в таком испытании?..

Распахнутая публицистичность постановки вызывает в памяти второй из спектаклей-предшественников: «Человек и глобус». Как раз в нем наме-

тилась стыковка многих тем, которые будут потом развиты театром. Война — и борьба за мир. Сила человеческого разума, интеллектуальная мощь науки — ее воплощал академик Бармин (заслуженный артист УССР Н. Банковский).

У входа в наш университет висит мемориальная табличка. Она напоминает о выпускнике университета академике Курчатове — прототипе Бармина. И в ребратах говорит барминская записка. Что такое — в их понимании — ученый-гуманист?

Из работы студентки Е. Древетняк:

— Это сильная личность, интеллигент, верящий, что человек — не флейта и на нем нельзя играть.

Категорично? Чуточку. Неполно? Бесспорно. Однако какое же огромное духовное расстояние отделяет эту формулу от позиции абстрактной «доброты», невмешательства в дела «глобуса»? Или — от идеала «нержавеющего» (и нерассуждающего) «винтика» на хунвейбинский лад.

Так возникла в диалоге зрительской молодежи и театра еще одна тема: ответственности за историю.

### КУЛАК И СОВЕСТЬ

Едва ли какой-нибудь еще спектакль вызвал более страстные дебаты, чем «Ричард III». Оно и понятно. Классика, программное произведение, Шекспир, которого симферопольский зритель так долго ждал.

Сразу и дружно была отмечена необычность режиссерской трактовки пьесы — заостренная, гротескная, почти «брехтовская» (режиссер М. Владимиров). Броилось в глаза внешнее решение образа Ричарда (артист А. Голобородько): «стройный молодой человек вместо традиционного пожилого урода» (студентка А. Рубель); «от привычного облика осталась лишь едва заметная хромота» (студентка В. Круглова).

В наибольшей же мере непрост был путь к пониманию внутренней логики «антигероя».

Он возсе не виртуоз зла. И уж заведомо не титан «эпохи титанов». Разумеется, Ричард Голобородько — хищник не из мелких. Однако демонического обаяния у него нет, оно замещено тренированной демагогией политического игрока, ледяным жаром профессионального авантюриста. Кого напоминает расчетливый маньяк на сцене горьковцев? Главара какой-нибудь новейшей хунты? Или фигуру из недоброй памяти кинохроники Западной Европы сорокалетней давности?

Во всяком случае, именно эти параллели (они отнюдь не сводятся к пластике актера) мешают сказать: «такое откровенное зло не представляет серьезной опасности». Освенцим и Сонгми свидетельствуют: опасность есть, и она чудовищна.

Из выступления студентки Л. Литманович:

— Это даже страшнее, что Ричард Голобородько — не урод, не монстр, не демон-искуситель. В нем словно бы соединились два лица политической реакции, какой ее запомнил наш век. Наглость, неслыханный цинизм. И деловитая «проза» преступлений.

Из выступления студентки Л. Лейкиной:

— Мы говорим о сегодняшнем репертуаре театра имени М. Горького. Казалось бы: что общего между такой пьесой, как «Они были актерами», и «Ричардом III»? А общее есть. Тема «обыкновенного фашизма» — во второй из них; «обыкновенного подвига» в борьбе с фашизмом — в первой.

Поразительное испытываешь чувство, слушая, читая эти отзывы. Их авторы родились в середине 50-х годов. Они не знают даже следов войны, даже хлебных карточек и развалин в центре города. Но какое у этих ребят острое чутье на Ф-бациллу (так со-

циологи именуют симптомы профашистского сознания)!

Из рецензии студентки Л. Орловой:

— У Ричарда горьковцев — в чем немалый минус постановки — нет ни одного масштабного противника. Нет соразмерной энергии сопротивления и у всего антиричардова лагеря. Но нет ее в спектакле, взятом изолированно. В большом же контексте целостного творческого репертуара театра — противояс «обыкновенному фашизму» указан. Указан идейно четко, убедительно. Теркин и Кравец, Бармин и Богачев, герои «Памяти сердца» А. Корнейчука и «Долгожданного» А. Салынского.

«Кулак нам — совесть...» — вопит Ричард. «Мы хотим видеть в глазах нашей молодежи блеск хищного зверя», — кричали нацистские главарь на «всегерманском митинге» молодежи в Нюрнберге. Они обманулись в своих расчетах. Вот уже тридцать лет молодежь ГДР, юность Советского Союза каждадневно и ежечасно доказывают: совесть сильнее кулака.

### ШКОЛА ИСКУССТВА

За два последних десятилетия молодежный потенциал города и области неизмеримо вырос. Появились новые фабрики и заводы, ГПТУ, техникумы, вузы, свой университет. Значит, готова огромная молодежная аудитория?

Готовы... — не совсем. Ведь умные, боевые соратники не являются в зал ниоткуда. Их надо растить, воспитывать. Делается ли что-то в этом направлении? Да, и очень немало — самими театрами, школой средней и высшей, комсомольским активом предприятий. Но «экзаменационный» год показал: нужно большее. А главное: нужно качественно новое.

Ребята из села, участники стройотрядов отлично знают, что такое дневник жатвы или «молинии» о ходе строительства. Почему же не вынести дневник театрального сезона — эскизы к спектаклям, хроника репетиций, размышления будущих исполнителей — ближе к аудитории? На крупные заводы, в институты, во Дворцы культуры?

Встречаться со зрителями-ровесниками жизненно необходимо и молодому актеру. Постоянно. В профессиональных условиях. Говорю, например, о «молодежных премьерах». Зритель — молодой — приглашается на них заранее. Актерский состав — молодой — также загодя знает, что после премьеры будет обсуждение его работы, разговор о творческих планах, жаркая, принципиальная дискуссия, в конце концов. Она многому могла бы научить ее участников, молодых по обе стороны рамп.

Но и этим не ограничивается круг вопросов. Сколько спектаклей поставили наши режиссеры, сыграли наши артисты «в уме»? О скольких любопытнейших концертных композициях, чтецких программах заходила речь на встречах с молодежью! Тут уж не только театральный молодежь — и маститые могут испробовать себя в неожиданном амплуа, в новом (скажем, режиссерском или певческом) качестве. Многим ли, к примеру, известно, как поет и сочиняет собственные песни актер Г. Шестаков?..

Нужны «вечера несыгранных ролей», необходимы экспериментальные постановки. А наилучший судья для подобных начинаний — зрительская молодежь.

Обо всем этом с особой остротой думается теперь. В год, когда искусство наше во всенародном масштабе сдает самый высокий из мыслимых экзаменов — экзамен на гражданскую зрелость, который принимает память сердца.

Марина НОВИКОВА,  
доцент кафедры английской филологии Симферопольского госуниверситета им. М. В. Фрунзе.